

А.Х. Абазов

О СТАТУСЕ ПРИСЯЖНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ ПРАВОСУДИЯ КАБАРДИНЦЕВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX — НАЧАЛЕ XX В.¹

Изучение особенностей аккультурации институтов соционормативной культуры народов Кавказа к правовой системе России в последней трети XIX — начале XX в. является актуальной исследовательской задачей современной юридической антропологии по ряду причин.

Во-первых, такое исследование позволяет подробнее проанализировать процессы и механизмы включения традиционных обществ в состав империи. Во-вторых, дает возможность выявить некоторые закономерности правогенеза в таких обществах под влиянием внешних политических факторов. В-третьих, определяет формы и модели функционирования традиционных общественных институтов, включенных в состав империи в рамках единого полиюридического пространства.

В этом плане институты обычного права кабардинцев представляют большой интерес как в научно-теоретическом, так и практическом отношениях. Это объясняется тем, что в последней трети XIX — начале XX в. нормы обычного права этого народа являлись одним из основных социальных регуляторов и применялись в той форме, в которой это не противоречило законам Российской империи. Помимо формирования образов морально-этического поведения и регулирования повседневной жизнедеятельности кабардинских сельских обществ нормы и институты обычного права широко использовались в правоприменительной практике официальных и посреднических (медиаторских) судов. Все это можно проследить на основе характеристики роли и статуса так называемых свидетелей под присягой (*тхъэрылуэ цыхъэт*) в судопроизводстве кабардинцев в последней трети XIX — начале XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке научно-исследовательского проекта РГНФ (№ 12-11-07001) «Система правосудия Кабарды в 1822–1917 гг.: исторический опыт и уроки».

Основные вопросы функционирования института присяжных свидетелей, роли и места клятв (присяг) в общественной и правовой жизни кабардинцев затрагивались в работах различных исследователей [Кудашев 1913; Материалы 1956; Думанов, Кушхов 1986; Бгажноков 1986; Мусукаев, Герондоков 1989; Думэн 2006]. Материалы, характеризующие статус и особенности участия присяжных свидетелей в судебном процессе, отложились в фондах Управления Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики. Не менее информативными источниками являются материалы полевых исследований, хранящиеся в научном архиве Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Анализ этих источников и литературы показывает, что в последней трети XIX в. в судебных разбирательствах часто принимали участие свидетели под присягой, чьи показания играли важную роль в принятии решений судьями по тому или иному делу. Слова ответчика сопровождались присягой людей, известных своей честностью и пользовавшихся уважением односельчан. Считалось, что для участия в судебном процессе в качестве присяжного свидетеля приглашались только люди, выполнявшие все религиозные обряды (уроза, намаз и т.п.) [Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5, пасп. 1]. И наоборот, ими не могли стать люди с плохой репутацией [Бгажноков 1986: 97] и рожденные от незаконных браков [Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27, пасп. 7].

В судебной практике того времени различались очистительная присяга обвиняемого и присяга свидетеля [УЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 33, л. 3]. Институт присяжных свидетелей активно использовался помимо медиаторских и в деятельности официальных судов (Кабардинского окружного народного суда (1858–1871); Нальчикского горского словесного суда (1871–1917), сельских (аульных) судов) [УЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 31, л. 3]. Услугами *тхьэрылуэ щыхьэт* пользовались и в тех случаях, когда потерпевший не соглашался с показаниями обвиняемого. Их основная функция заключалась в принятии присяги о невиновности подсудимого. Перед присягой они обязаны были изучить обстоятельства дела. Как правило, для этого родственники подсудимо-

го давали клятву о его невинности в присутствии присяжного свидетеля [Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2, пасп. 12]. Если он был убежден в невинности подозреваемого, то соглашался принимать присягу. После этого судьи или медиаторы в отношении подозреваемого выносили оправдательный приговор. Напротив, отказ от присяги или отсутствие возможности привлечь к разбирательству присяжного свидетеля косвенно доказывали вину подсудимого [Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 1, пасп. 1].

С принятием кабардинцами мусульманской религии присяги стали даваться на Коране. Во второй половине XIX в. они стали оформляться в письменном виде принимавшими участие в судебных разбирательствах эфендиями на арабском языке с обязательным переводом на русский [УЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 244, л. 6].

Как правило, присяжники назначались потерпевшими в присутствии суда из числа односельчан. Обвиняемому предоставлялось право дать отвод кому-либо из назначенных присяжников по следующим основаниям: «находящемуся с ним во вражде, состоящим в родстве с потерпевшим, безумным, с порочным поведением, и находящимся в дальнем отсутствии, или под стражею» [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10].

Свидетелями под присягой могли стать кабардинцы, достигшие 12-летнего возраста [Бабич 1999: 78]. В конце XIX — начале XX в. с согласия обвиняемого присяжниками могли быть назначены и родственники как обвиняемого, так и потерпевшего [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10 об.]. Лицам, которым было что-либо известно о конкретном правонарушении, вменялось в обязанность принять участие в судебном разбирательстве. Вместе с тем предусматривались и основания освобождения присяжников от участия в процессе. Среди них можно перечислить «тяжкие болезни его (присяжного свидетеля. — А.А.), помешательство, смерть кого-либо в семье или из родственников, отклонение его от присяги потерпевшим или родственниками последнего посредством подкупа, обещаний, угрозы; по случаю эпидемий, или различных дел, когда сношение запрещено начальством или сообщение прервано» [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10 об. — 11].

Обеспечение участия присяжников в судебном разбирательстве возлагалось на ответчиков или обвиняемых [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 54]. В последней трети XIX в. в правлениях кабардинских сел стали формироваться списки присяжников [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 3595, л. 37].

В конце XIX в. администрация Терской области стала принимать меры по установлению контроля в этой сфере правоприменительной практики кабардинцев. Для этого в 90-е годы XIX в. был проведен ряд заседаний Нальчикского горского словесного суда, на которых обсуждались вопросы назначения присяжников из лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по обычаям [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10]. Судьям предлагалось установить правила принятия присяги в судебных разбирательствах. На одном из заседаний они приняли решение и дальше применять в судопроизводстве институт *тхьэрылуэ щыхъэт* в прежнем виде [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 10 об.]. Кроме того, в конце XIX в. было также установлено правило, согласно которому обвиняемый не имел права делать заявления суду о неправильном назначении присяжника или давать ему отвод с того момента, когда имена присяжников уже были внесены в журнал заседания суда [УЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 2175, л. 11].

Вместе с тем лжесвидетельство (лжеприсяжничество, клятвopепреступничество) считалось у кабардинцев тяжким преступлением и на долгие годы дискредитировало фамилию провинившегося. В «Полном собрании кабардинских древних обрядов» (1844) была зафиксирована мера наказания за лжесвидетельство, которая выражалась в том, что виновного сажали «лицом к хвосту на лошадь и возили по многолюдной улице, называя анафе-мою» [Леонтович 1882: 255]. Такой обычай в исторической памяти кабардинцев закрепился под названием *шыкIэкъешэкI* [Думэн 2006: 193]. Человек, который когда-либо был уличен в лжесвидетельстве, не мог больше принимать участия в качестве свидетеля в судебных разбирательствах разного уровня [УЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 33, л. 3].

Все это подробно характеризует особенности интеграции отдельных институтов традиционной соционормативной культуры

кабардинцев в правовую систему Российской империи в последней трети XIX — начале XX в.

Источники и библиография

Архив КБИГИ — Научный архив Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). М., 1999.

Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.

Думанов Х.М., Кушков Х.С. К вопросу о судеустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX — начале XX в. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. 4. С. 41–51.

Думэн Хь.М. Адыгэхэм я дауэдапшэхэр этнографие терминхэм я псалъалгэ кIэщI. Налшык, 2006.

Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1.

Материалы 1956 — Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX в.). Нальчик, 1956.

Мусукаев А.И., Герондоков М.Х. Идеологическое и общественное единство в жизни горцев. Нальчик, 1989.

УЦГА КБР — Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики (Нальчик).

Н.М. Абдукадыров

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ С БУХАРСКИМ ЭМИРАТОМ В КОНЦЕ XVIII В.

В последней четверти XVIII в. между Османским государством и ханствами Средней Азии были установлены тесные связи. Этому были свои причины. Политические события второй половины XVIII в. и их последствия негативно повлияли на Османское государство. Усилившиеся европейские государства угрожали провинциям Османской империи. В последней четвер-